

**Метаморфозы украинской песни «Їхав козак за Дунай»:
был ли знаком венгерскому графу поэту Ференцу Телеки
немецкий перевод Вильгельма Кюхельбекера?**

В своей статье я попытаюсь проследить историю распространения и смены функции одной украинской песни в Европе в первые два десятилетия XIX в. Под сменой функции я подразумеваю то, как по-разному преобразуется, пересекая национальные, языковые и культурные границы, изначально звучавшая в темпе *Andante* лирическая песня. Так в одном из венгерских вариантов песни текст становится жанрово гибридным: сохраняя лирическую основу, обретает признаки *военного марша*; то есть, адаптируясь как минимум к двум каналам распространения – к авторскому и к (квази)фольклорному, отдаляется от своего первичного жанра *прощальной песни*. Непосредственный исторический фон, на котором претерпевает изменения изначальная функция песни, создают бушующие по всей Европе наполеоновские войны, культурный и литературный фон связанные с походами Наполеона народные или стилизованные эпические и лирические тексты на общественно-историческую тематику, на территории Венгрии это т. н. инсургентная/инсуррекция (повстанческая) поэзия.

Под влиянием шедших с конца XVIII в. наполеоновских войн родилось множество фольклорных и авторских стихотворных текстов на территориях, где говорили на венгерском языке. Внутри Габсбургской монархии (с 1804 года Австрийской империи), на землях Королевства Венгрии доподлинно зафиксировано, как дворянские ополчения 1797, 1800, 1805 и 1809 гг. нередко становились источником поэтического вдохновения. На призыв монарха к дворянству встать на защиту границ страны стихотворцы дворянского происхождения откликнулись мар-

шами и духоподъемными песнями. В память об этих четырех дворянских ополчениях (лат. *generalis insurrectio*) в венгерской специальной литературе они объединены общим термином *инсургентной поэзии*. Такие песни, «частушки», рифмованные воззвания авторы обычно сочиняли на мотив известных народных песен или по крайней мере в духе последних. Наряду с воспевающими собственно регулярную армию, эти сочинения являют собой особую группу текстов. Напечатанные в виде прокламаций, они были в ходу на больших территориях, передавались из уст в уста, переписывались. Исследования показали, что в корпус инсургентной поэзии попало и множество более ранних текстов, которые, всплывая в войсковых лагерях, актуализировались, нередко меняли функцию [Porkoláb 2014].

«Їхав козак за Дунай»

Песня, начинающаяся со слов «Їхав козак за Дунай» («Ехал козак за Дунай»), считалась в XIX в. самой популярной украинской песней на всем украинско- и русскоязычном пространстве. И, пожалуй, не будет преувеличением сказать, что уже с начала 1800-х гг. была на слуху у всей Европы, по крайней мере, всей Восточной Европы. Своей международной славой она была обязана общему для народов европейских стран опыту войн с Наполеоном. Сегодня существует три гипотезы происхождения песни. По одной, автором песни был современник Петра Великого, казак-сочинитель по имени Семен Климовский (Климов). Согласно другой, песня возникла в первой половине XVIII в., а авторство Климовского не опровергается, но ставится под сомнение¹³⁶.

¹³⁶ «Свидетельств тому, что в первой половине XVIII в. на Украине пели песню “Їхав козак за Дунай” у нас нет. Не встречается она и в рукописных сборниках тех лет. Зато под конец XVIII столетия эта песня была очень популярной на Украине и за ее пределами. Принимая в расчет, что при тогдашних условиях песня быстро не могла стать столь популярной, можно предположить, что она возникла где-то в первой половине XVIII века» [Нудьга 1960: 58] (перевод с украинского мой – Ж. К.).

Согласно третьей, она возникла во второй половине XVIII в., автор анонимен, и позднее она перешла в фольклор. Семисложный силлабо-тонический размер, безукоризненная строфа склоняет исследователей к выводу, что это блестяще, последовательно скомпонованное произведение принадлежит перу человека, хорошо знакомого с украинским фольклором и владеющего техникой стихосложения [Прийма 1960: 172]. Широко известной на украинских и русских землях она была уже задолго до наполеоновских войн, однако с 1812 г. стала встречаться в песенниках куда чаще¹³⁷. Один из самых известных первых русских печатных песенников, собрание Львова-Прача, попавший даже в Западную Европу, издавался трижды за пятнадцать лет. В издании 1806 г. к текстам песен прилагались и ноты; здесь наша песня фигурирует под номером 147¹³⁸.

Популярности песне добавили – при этом успешно ею воспользовавшись – драматург Александр Шаховской и композитор Катерино Кавос. 15 мая 1812 г. в петербургском Императорском театре состоялась премьера их одноактной оперы-водевиля с анекдотическими элементами «Казак-стихотворец»; постановка шла с таким успехом, что с 28 мая 1814 г. ее давали уже дважды в месяц. Позднее водевиль ставили и на украинских землях,

¹³⁷ Впервые опубликована в Санкт-Петербурге, в журнале «Journal d'airs italiens, français et russes avec accompagnement de guitare par J. B. Hainglaise» (Saint-Petersbourg: Laut.; Gerstenberg et Dittmar. 1796. № 3). Затем И. Герстенберг и Ф. Дитмар включили ее в «Песенник, или Полное собрание старых и новых российских народных и прочих песен для фортепиано, собранных издателями» (Санкт-Петербург, ч. 1-3. 1797-1798). О дальнейших публикациях нам известно из работ Михаила Сперанского. Сперанский уточнял, как именно и когда в конце XVIII – начале XIX вв. украинские песни включались в русские песенные собрания. Исследователь перечисляет пятнадцать печатных русских песенников, в которых фигурирует «Їхав козак за Дунай». Из дат их публикации явствует, что всплеск популярности песни был напрямую связан с наполеоновскими войнами: так и в 1812 г., и в отдельные годы в период с 1816-1822 ее печатали сразу в нескольких сборниках [см. Сперанский 1909: 143].

¹³⁸ Сегодня экземпляры песенника Львова – Прача (составлял его Н.А. Львов, а Иван Прач делал нотные переложения) являются раритетом; в своей работе я ссылаюсь на одно из его изданий, переизданное специально для исследовательской работы, дополненное предисловием и комментариями [см. Беляева 1955].

в частности, в театрах Харькова и Полтавы¹³⁹. Добрался он и напрямую до студентов Царскосельского лицея: граф Варфоломей Толстой поставил его в своем крепостном театре в Царском Селе. А в 1815 г. либретто вышло отдельным изданием¹⁴⁰.

Известно, что после контрнаступления 1812 г. – с победой над французами у села Тарутино – и донские, и украинские казаки еще более оказались в центре внимания как в России, так и за рубежом¹⁴¹. На русских землях образ героя-казака был поднят мощной национально-патриархальной волной, стал ее символом, «храбрый донской казак» стилизовался в литературный персонаж. В Западной Европе также возрос интерес к царским войскам и к казакам, в частности. В 1814 г. император Александр I победоносно вошел в Париж, как вошел до этого во множество других городов, в том числе и в Берлин¹⁴². На немецкоязычной территории Австрийской империи и в прусских землях тема освободительного казацкого воинства привлекала не одну лишь прессу; помимо журналистов и карикатуристов живой спрос публики на экзотику подхватили и кустари с лавочниками, в ходу были изображавшие казаков литографии, фарфоровые, деревянные и бумажные поделки. По свидетельству одного исследования, неизменным атрибутом австрийской салонной культуры тех лет стали живопись и скульптура на темы казачества. Известно также, что письменный стол Бетховена долгие годы украшали две изображающие казаков статуэтки [Кириллина 2003: 199].

---

¹³⁹ [См. Гозенпуд 1965].

¹⁴⁰ В начале XIX в. публикация театральной инсценировки считалась большой редкостью.

¹⁴¹ Эрхард Хексельшнайдер на основании современных прусских публикаций приходит к выводу: «Zum Symbol der russ. Truppen wurden die Kosaken. Man kann für diese Zeit von einer wahren Kosakenbegeisterung sprechen, die breiteste Volksschichten erfasste» [Hexelschneider 1963: 677].

¹⁴² Об этом сохранился иллюстрированный отчет: в 1814 г. Георг Опиц (Georg Emanuel Opitz 1775–1841), германский художник, родившийся в Праге, был в Париже, когда туда вошли русские войска. Свои тогдашние впечатления он отобразил в цикле из сорока жанровых акварелей «Казачья в Париже»: см. [Русские казаки 2014].

**Вильгельм Кюхельбекер:
[Der Kosak und das Mädchen]**

Конечно же, наполеоновские войны и роль России в них чрезвычайно волновали и царскосельских лицеистов; уже разразилась «гроза 1812 года», и в свободные часы они заполняли газетную комнату, где «читались наперерыв русские и иностранные журналы, при неумолкаемых толках и прениях» [Пушчин 1998: 70]. А «началось с того – вспоминает Пушчин – что мы провожали все гвардейские полки, потому что они проходили мимо самого Лицея; мы всегда были тут, при их появлении <...> напутствовали воинов сердечною молитвой...» [там же].

В 1814 г. один из лучших друзей и лицейский товарищ Пушкина, Вильгельм Кюхельбекер, набрасывает на листке бумаги стихотворение в четыре строфы, без названия, на немецком языке¹⁴³. «Der Kosak und das Mädchen» – как позднее был назван этот текст в специальной литературе – без каких бы то ни было примечаний, нашли в лицейских бумагах Кюхельбекера, и лишь позднее он был идентифицирован как перевод украинской песни, начинающейся со слов «Їхав козак за Дунай». Известно, что Кюхельбекер намеревался опубликовать его вместе с другими своими переводами в книге под рабочим названием «О древней российской словесности»¹⁴⁴. О том, что такая всеохватывающая вещь готовится, в Лицее знали многие. Антон Дельвиг рассказывает об этом в одной своей статье, а Алексей Илличевский в частном письме [Прийма 1960: 171].

---

¹⁴³ К. Грот в издании, где публикует бумаги I-го курса Царскосельского лицея, собранные его отцом, бывшим лицеистом, пишет следующее: «Еще сохранились два листка с двумя немецкими пьесами-песнями, писанными Кюхельбекером (автографы)...», а ниже приводит и сами тексты [Грот 1998: 244, 246–247] (курсив оригинала – Ж. К.).

¹⁴⁴ В одно и то же время Кюхельбекер переводит казацкую песню, Пушкин пишет стихотворение «Козак», а чуть позже Антон Дельвиг балладу «Поляк». О тесной взаимосвязи этих трех текстов и последующей фольклоризации пушкинского текста [см. Kalavszky 2019].

Песня, послужившая Кюхельбекеру первоисточником, снискала себе, как я уже упоминала, громкую славу не только на русских и украинских землях, но и за их рубежами.

Достоверно известно, что на редкость популярный песенник Львова – Прача, включавший и нашу песню, был не только в библиотеке Лицея, но добрался и до Вены. Так, многие исследователи склонны полагать, что граф Андрей Кириллович Разумовский (1752 –1836), посол России в Вене, богач и меломан, музыкант камерного оркестра, собиратель книг и меценат, мог подарить один экземпляр самому Бетховену¹⁴⁵. Бетховен не единственный, кто – даже дважды – создал музыкальную обработку этой песни. В течение всего XIX в. она вдохновляла множество композиторов. Существует и немало других письменных и изобразительных свидетельств тому, что русские и украинские песни достигали немецкоязычных земель, когда с проходящими русскими войсками, благодаря связям императора Александра I и прусского короля Фридриха Вильгельма III, в прусскую армию зачисляли русские военные хоры¹⁴⁶.

Христофор-Август Тидге: «Schöne Minka, ich muss scheiden»

Своей известностью в Западной Европе песня обязана поэту Х.-А. Тидге (Christophor-August Tiedge, 1752–1841), который в 1808 г. перевел ее на немецкий. Она начинается со слов «Schöne Minka, ich muss scheiden». В случае Тидге точнее говорить о переложении, так как немецкий поэт весьма вольно отнесся к размеру, структуре, да и к лексике оригинального текста. Эрхард Хексельшнайдер в своих исследованиях приходит

---

¹⁴⁵ О связях Разумовского и Бетховена см. [Кириллина 2015], [Clive 2001].

¹⁴⁶ В 1814 г. в лейпцигской газете «Allgemeine Musikalische Zeitung» были опубликованы статьи на тему русских солдатских песен и хоров, см., например, «Über russische Soldatenlieder», 1814. Такой русский, причисленный к прусской армии хор изображается на одной литографии 1815 г [см.: Файбисович 2017].

к выводу, что необычайная популярность «Прекрасной Минки» Тидге, помимо живого интереса к русскому и украинскому казачеству, объясняется еще и тем, что множеством характерных черт она напоминала немецкую городскую песню. Когда русская армия входила в Берлин, пишет исследователь, «“Schöne Minka” «разносилась из каждого окна» [Hexelschneider 1963: 676–688]. Свидетельством популярности перевода Тидге стали и многочисленные его подражания; песни эти известны под собирательным названием «Minkalieder» [Исаков 1966: 199]. Немецкая публика настолько сроднилась с «Прекрасной Минкой», что та в конце концов «утратила родословную» и попала в немецкий сборник народных песен¹⁴⁷. Она была одной из самых любимых солдатских песен¹⁴⁸ и, по свидетельству современников, «в одночасье стала в немецкой армии массовой» [Нудьга 1960: 66].

О том, как с собственно украинской песней познакомился Тидге, нам известно из нескольких трудов. Автор одного из них, изучавший печатные документы, которые были опубликованы на немецком языке в Прибалтике в начале XIX в., Сергей Исаков утверждает, что Тидге услышал ее в Баден-Бадене от своего русского слуги, тогда как венгерский исследователь Реже Галош, украинский фольклорист Григорий Нудьга и немецкий литературовед Эрхард Хексельшнайдер заявляют, что ее пели слуги отдохавших в Баден-Бадене русских аристократов [Исаков 1966; Gálos 1937: 408; Нудьга, 1960: 60; Hexelschneider 1963]. Одним из источников для исследователей могла послужить антология «Slawische Balalaika», где в главе «Lieder aus

¹⁴⁷ Двенадцать вариаций включены в «Musikalischer Hausschatz der Deutschen. Eine sammlung von über 1100 Liedern und Gesängen mit Singweisen und Klavierbegleitung. Gesammelt und herausgeben von G. W. Fink», изданной в Лейпциге [см. Нудьга 1960: 62, 64].

¹⁴⁸ «Das von Tiedge nationalisierte Kleinrussische Volkslied war in den deutschen Freiheitkriegen ein Lieblingslied; nach dem Drucke im Liederbuch hanseatischen Legion gewidmet <...> fand es damals weiteste Verbreitung und wurde bis 1850 in Deutschland viel gesungen und seine Musik gern gespielt» [Böhme 1895: 549].

Kleinrussland und der Ukraine» фигурирует песня под названием «Lebewohl» («Прощание»), начинающаяся словами «Donau über gilt es reiten. Fahr' wohl Heimat! In die Weiten...», текст которой редактор снабдил длинным комментарием о происхождении «Schöne Minka»:

Тидге, поэт «Урании», вместе со своим другом, историком Сисмонди, услышал, как поет слуга одного русского аристократа означенную песню, каковая песня так тронула обоих мужей, что каждый попытался передать ее на своем языке, хотя и не знал содержания. Сисмонди не сумел создать пригодного для пения текста, и его вариант остался неизвестным; Тидге же удалось приноровить свой текст к мелодии, и содержание его тоже стало популярным. В чем читатель может убедиться и сам, ознакомившись с собранием стихотворений Тидге [Waldbrühl 1843] (перевод с немецкого мой – Ж. К).

Тидге переводил по подстрочнику, к тому же очень основательно переиначил текст в угоду бюргерским вкусам публики. И, наконец, в 1808 г. он опубликовал свою «Schöne Minka...» в рижской газете «Iris, ein Wochenblatt für Damen» под заголовком «Der Kosak und sein Mädchen (Nach der bekannten russischen National-Melodie: Ехал козак за Дунай)» (24.X.1808, 43. S. 146–147). Год спустя текст Тидге печатался по меньшей мере дважды: в альманахе «Taschenbuch zum geselligen Vergnügen»¹⁴⁹ (Лейпциг, 1809) под редакцией Вильгельма Готтлиба Беккера и вместе с нотами в песеннике под названием «Schauenburgs allgemeines Deutsches Kommersbuch» [Кирилина 2015: 10]. В 1813 г. песня «Der Kosak und sein Mädchen. Nach einer Russischen National Melodie» вошла в еще один сборник: «Liederbuch der Hanseatischen Legion gewidmet vom W. D. Runge», Hamburg, 1813, № 104. S. 117.

Песня появляется и на других славянских языках. Украинские казаки занесли ее на чешские земли, где она была известна с 1812 г. Год спустя, в 1813 в венской чешской газете «Сýsařské královské wjdeňské powiny» («Императорская королевская

---

¹⁴⁹ Об известности ее в Венгрии см. [Waldapfel 1935: 308].

венская газета»), точнее, в литературном приложении к ней, под названием «Prwotiny rěkných uměnj» («Первые опыты в изящных искусствах») выходит в свет чешский перевод [Нудьга 1960: 64]. И, разумеется, песня становится известной и на польских землях, особенно на галицийских территориях.

Согласно Сергею Исакову в прибалтийскую газету перевод Тидге попал благодаря его возлюбленной. Елизавета Шарлотта фон дер Рекке (Elisa Charlotte von der Recke, 1754–1833) и сама была известной поэтессой, а с Прибалтикой ее связывали курляндские поместья и живые литературные связи [Исаков 1966: 200]. С 1803 г. они с Тидге жили вместе и познакомились с Бетховеном.

Прибалтийский регион, включавший в начале XIX в. сегодняшние Эстонию и Литву, возможно, сыграл роль не только в публикации немецкого перевода песни, но и в появлении на свет английского. В 1803 г. в должность преподавателя английского и итальянского языков только что открывшегося Тартуского университета (Kaiserliche Universität zu Dorpat) вступает оксфордский пастор и почетный профессор университета в Галле, бывший учитель английского языка прусской императрицы, к тому времени успевший уже перевести на английский немало немецких стихов, Бенъямин Бересфорд (Benjamin Beresford, 1750–1819). В Тарту он задерживается ненадолго, до 1806 г., и вскоре уже преподает в Харьковском университете, а затем в Москве, где вдобавок исполняет еще и пасторские обязанности. И покидает он Россию, когда прусский император Вильгельм III, основав в 1810 г. Берлинский университет, просит его вернуться и занять место преподавателя в нем [Anvelt 2018]. В 1816 г., уже в Лондоне, неутомимый литератор и переводчик издает за свой счет сборник под названием «The Russian troubadour, or a collection of Ukrainian and other national melodies together with the words of each respective air translated into English verse by the author of the German Erato, interspersed with several favourite Russian songs», в котором под № 4, снабженная нотами, фигурирует украинская песня «Cossack and his Love».

Балтийское направление важно нам еще в одном аспекте: именно здесь и обнаруживается недостающее звено, позволяющее с куда большей вероятностью предположить, что и Кюхельбекер мог знать текст Тидге. Ведь Кюхельбекер, хоть и родился в Петербурге в 1797 г., детские годы провел у Рижского залива, где граничат сегодняшние Латвия и Эстония¹⁵⁰. Он жил тут до 1811 г., до самого поступления в Царскосельский лицей, и до шестилетнего возраста говорил только по-немецки, так что он вполне мог быть знаком со стихотворением. Перевод Кюхельбекера куда ближе к оригиналу; что же касается немецкого переводчика, он привнес в свой текст немало значительных изменений.

Ехав козак за Дунай,	Билых ручек не ломай,
Сказав: дивчина прощай.	Серых очек не зтирай,
Вы коники вороненьки,	Мене з войны со славою
На силу: гуляй.	К соби дожидай.

Постой, постой, козаче,	Не хочу я ничего,
Твоя дивчина плаче,	Только тебе одного,
Як ты мене покидаеш,	Ты будь здоров мий миленький,
Только подумай.	А все пропадай ¹⁵¹ .

Перевод Кюхельбекера:

D. K.	Auf und fort der Donau zu!
	Lebe wohl, feins Liebchen du!
	Tumme, tumme dich mein Rappe,
	Strecke dich mein Ross!

---

¹⁵⁰ В детстве Кюхельбекер жил в Лифляндии, в имении Авенорм (Авинурме), а с 1808 г. в эстонском городе Верро (ныне Выру).

¹⁵¹ Цит. по [Беляева 1955: 309–310].

- D. M.   Wart, Kosak, o warte noch!
Denkeinmal, bedenk dich noch:
Du verlässt dein trautes Liebchen!
S' Liebchen weint so sehr.
- D. K.   Wein doch Mädchen nicht so sehr,
Ring die Händ umsonst nicht mehr!
Harre mein: ich kehre wieder,
Bring viel Ruhm und Ehr.
- D. M.   Nichts ist Her und Ruhm für mich,
Ach, ich wünsch und will nur dich!
Sei nur du gesund, mein Trauter,
Und nichts kümmer mich¹⁵²!

Перед каждой строфой Кюхельбекер указывает, чья это реплика (D. K., то есть казака или D. M., то есть девушки), далее меняет местами первую и вторую строку в первой и в третьей строфе; во втором случае поменялись местами мотив *ломанья рук* и мотив *глаз* (слёз). Более радикальное изменение Кюхельбекера заключается в том, что он переносит действие в *настоящее время*, заводя песню чуть ли не с боевого клича казака, в отличие от украинского текста, которому глагол «їхав» *прошедшего времени* сообщает эпический настрой. Как отмечает один из первых исследователей темы, патриотически настроенный Кюхельбекер по сути стилизует украинское стихотворение под *военный, конный марш* [Прийма 1960: 173]. Для нас это изменение существенно, ведь в водевиле Шаховского Маруся запекает печально, медленно, и в песеннике у Львова–Прача тоже указано «Andante», то есть медленно. Именно приближающий песню к военному маршу регистр Кюхельбекера и привлек мое внимание к одной венгерской интерпретации украинской песни.

---

¹⁵² Текст цитирую по изданию: [Грот 1998: 246–247].

Венгерское распространение: квазифольклорные и литературные варианты

Известно, что в венгерский языковой ареал песня попала не только благодаря журнальным публикациям немецкого перевода. Реже Галош приходит к выводу, что хождению песни на венгерских землях столь же, если не более, способствовала устная «распространительная» деятельность солдат-рекрутов, как явствует из найденных в венгерском городе Дьёре (Győr) венгерских переводов текста Тидге [Gálos 1937: 407–408]. То есть текст расходился по двум каналам сразу: немецкий журнал доносил его до образованной публики, в народе же, передаваясь из уст в уста, ходили разные другие варианты: где-то в варианте «Gyöngyöm Minkám» [Минка, жемчуг мой], а где-то «Édes Minkám» [Минка милая моя].

Кроме текстов, найденных Реже Галош, существовало множество других венгерских переложений Тидге. Несколько ее рукописных вариантов с указанием мест обнаружения с 1820-х гг. собрал Дюла Пергер. Вариации песни можно найти в «Balla Pál énekeskönyv» («Песенник Пала Баллы», 1827), в двух анонимных собраниях «Dalok» («Песни», 1823) и «Oblectamina animi» (1827), а также в изданном в первой половине XIX в. «Sárosi Mihály-melodiárium» («Мелодирии Михая Шароши»). Попала она и в «Énekek gyűjteménye» («Собрание песен»), опубликованное Ференцем Енеи (Ferenc Jenei). Печатают песню и в дешевых брошюрах. Так в вышедшей в 1823 г. брошюре «Két Dallok» («Две Песни») эта песня – первая («Минка, жемчуг мой, я должен <тебя> покинуть»). И по сути без изменений она перепечатана в брошюре Шандора Цеха «Világi Dallok» («Светские Песни»), датируемой приблизительно 1836–1840 гг. [Perger 2018: 236–237]. Фигурирует она и в собрании любовных песен Йозефа Рапоша 1837 г. под названием «Távozás» («Разлука») [Csörsz 2016: 95], а также в других песенниках.

Свою популярность песня сохраняла вплоть до второй половины XIX в. Так, у одного из величайших венгерских эпиков XIX столетия Мора Йокаи (Mór Jókai) песня, начинающаяся со слов «*Gyöngyöm Minkám el kell válnom*» («Минка, жемчуг мой, я должен <тебя> покинуть») упоминается даже дважды, в романе «Венгерский набоб» («*Egy magyar nábob*», 1853-1854) и в новелле «Не тронь меня!» («*Ne nyúlj hozzám!*», 1863), причем, как замечает в этой связи Габор Вадерна, «в обоих случаях в качестве текста столь популярного и общеизвестного, что он принадлежит, скорее, к регистру низкого стиля» [Vaderna 2014: 40]. А еще и немецкий, и венгерский переводы песни дает в своем рассказе «*Gömör rózsái*» («Розы Гёмёра») Шандор (она же Шаролта) Вай (Sándor/Sarolta Vay, 1859-1918) [Perger 2018: 237].

«Русская песня» Теодора Кёрнера и «Казацкая песня» графа Ференца Телеки

Граф Ференц Телеки (1785-1831), математик и поэт, воспитывался в немецкой языковой среде и к венгерской культуре и поэзии обратился лишь во второй половине 1810 гг. Большая часть стихов Телеки была опубликована уже после его смерти под редакцией Габора Дёбрентеи. Венгерский историк литературы Габор Вадерна обнаружил в архивах Телеки еще один вариант нашей песни. Вадерна искал источники стихотворения графа под названием «*Csata-dal*» («Боевая песня», или, еще точнее, «Песня сраженья») 1817 г. и пришел к выводу, что это стихотворение Телеки напрямую связано с другим его же стихотворением «*Egy Kozák dal /: Muszka nyelvből*» («Казацкая песня. С москальского»): «Боевая» звучит на мотив «Казацкой песни» [Vaderna 2014]. Вадерна цитирует источник, указанный самим Телеки: это песня, начинающаяся со слов «*Durch den Don schwimmt...*». Продолжая разматывать клубок, Вадерна обнаруживает, что это первая строка одного

стихотворения Теодора Кёрнера (Theodor Körner) под названием «Russisches Lied. Nach einer bekannten Melodie» («Русская песня. На известную мелодию»), вышедшего в сборнике еще в 1814 г. В качестве источника текста Кёрнера автор исследования называет украинскую песню, подчеркивая – об этом я уже писала в связи с переводом Кюхельбекера – что у этой песни, по крайней мере с 1808 г., существовал немецкий перевод, выполненный Кристофом Тидге. Думаю, здесь непременно следует отметить, что поэт Теодор Кёрнер (1791-1813), вероятнее всего, слышал песню от своих русских и украинских товарищей по оружию, солдат и казаков, будучи непосредственным участником наполеоновских войн. Он сражался в партизанском отряде Лютцова (Lützow), одном из партизанских отрядов под командованием барона Фридриха Карла фон Теттенборна (Friedrich Karl von Tettenborn), действовавших совместно с казаками. Русская пресса тех лет придавала фигуре Кёрнера огромное значение. Так, московский периодический журнал «Вестник Европы» в 4-м номере за 1818 г. публикует большую статью о жизни и героической гибели поэта, о стихах и переводах, популяризовавших русскую литературу, а на последней странице печатает его перевод песни «Ехал козак за Дунай», начинающийся словами «Durch den Don schwimmt...»¹⁵³. Так что песня и в этом немецком переводе «возвратилась» в Россию.

Говоря об успехе песни в Западной Европе и о различных ее музыкальных переложениях, Габор Вадерна делает существенное замечание: с течением времени переводы Тидге и Кёрнера разминулись, распространяясь по разным каналам и приживаясь в разных средах. Вадерна предполагает, что дальнейшее их квазифольклорное и характерное скорее для литературы распространение протекали одновременно и независимо друг от друга. До графа Телеки дошел перевод

---

¹⁵³ Статья является сокращенным переводом на русский биографии Кёрнера, написанной Тидге [Сокольский 1818].

Кёрнера. Как полагает исследователь, «Казацкая песня: с Москальского» Телеки «несомненно, явилась на свет как часть инсurreкционной поэзии начала XIX в. В этой сфере одна из традиций элитарной, и как части ее, сословной поэзии и поэзии народной сближаются. В данном случае фольклоризуется аристократическое инсurreкционное стихотворение, происходящее из источника, который, вне всякого сомнения, является частью элитарной культуры» [Vaderna 2014: 40–42]. В этой связи считаю важным отметить: ситуация, когда правят и актуализируют текст, приводя его в риторическое и тематическое соответствие с патриотическим духом поэзии, порожденной наполеоновскими войнами, вовсе не уникальна в истории нашей песни на европейской сцене. Известно, что сохранился и такой русскоязычный вариант (в песеннике, изданном в 1818 г. в Санкт-Петербурге), где анонимный автор или авторы, переиначивая песню на потребу времени, даже дополнили ее новыми строками¹⁵⁴.

Три перевода: Кёрнер, Кюхельбекер и Телеки

А теперь сравним немецкие варианты Кёрнера, Кюхельбекера и венгерский вариант графа Телеки в русском подстрочном переводе (См. венгерский оригинал в приложении!).

---

¹⁵⁴ «На протяжении всего времени песня имела более-менее устойчивый текст, состоявший всего из 16 строк. В 1818 г. неизвестный автор делает попытку обновить песню, придать ей патриотический настрой – в духе песен, сложенных в годы войн с войсками Наполеона. К основному тексту неизвестный стихотворец дописывает свои двадцать четыре строки, с которыми она и была напечатана в сборнике “Новейший полный и всеобщий песенник в 4-х частях” (СПб., 1818). Весь этот неуклюжий довесок пропитан монархическими мотивами» [Нудьга 1960: 59] (перевод с украинского мой – Ж. К).

<p>342</p> <p>Теодор Кёрнер 1814 Russisches Lied. Nach einer bekannten Melodie.</p>	<p>Ференц Телеки до 1820 (?)¹⁵⁵ «Казацкая песня: с Московского»</p>	<p>Вильгельм Кюхельбекер 1814 —</p>
<p>Er. Durch den Don schwimmt kampffent- schlossen Der Kosack mit den Genossen, Sagt zuletzt noch seinen Rossen, Seiner Braut Ade.</p>	<p>Плывет казак к берегу Дона, Válé говорит прекрасной Невесте, «Давай!», кличет лошадку свою, «Мы идем на битву.</p>	<p>D. K. Auf und fort der Donau zu! Lebe wohl, feins Liebchen du! Tummle, tummle dich mein Rappe, Strecke dich mein Ross!</p>
<p>Sie. Willst du treulos von mir scheiden, In die Schlacht des Todes reiten? Warum glaubt ich deinen eiden! Weh mir armen, weh!</p>	<p>«Постой, мое сокровище, на мольбу мою «оглянись назад на печаль мою «что покидаешь меня так на погибель мою «одну тут.</p>	<p>D. M. Wart, Kosak, o warte noch! Denkeimmal, bedenke dich noch: Du verlässt dein trautes Liebchen! S' Liebchen weint so sehr.</p>
<p>Er. Ringe nicht die zarten Hände, Mich die augen von mir wende, Kehr ich stegreich doch am ende Aus des Kampfes Glück.</p>	<p>«Не губи зазря больших глаз своих, «Не степляй рученок, «Со славой милого своего «получишь назад.</p>	<p>D. K. Wein doch Mädchen nicht so sehr, Ring die Hand umsonst nicht mehr! Harte mein: ich kehre wieder, Bring viel Ruhm und Ehr.</p>
<p>Sie. Denkst du wohl noch an mich arme In der wilden Krieger Schwarme? Kehre treu in meine arme, Kehre bald zurück!¹⁵⁶</p>	<p>« «Не нужно мне славы, «Если ты мой, и верный, довольно. «Прекрасная удача, доброе здоровье «Пусть будут с тобой оба»!¹⁵⁷</p>	<p>D. M. Nichts ist Her und Ruhm für mich, Ach, ich wünsch und will nur dich! Sei nur du gesund, mein Trauter, Und nichts kümmer mich!</p>

¹⁵⁵ Со слов Габора Вадерны нам известно, что в переписке Телеки с Дёбрентеи «Казацкая песня» впервые упоминается в 1820–1821 гг. [см. Teleki 1834: 222–228].

¹⁵⁶ Стихи Кёрнера и Телеки я цитирую из: [Vaderna 2014].

¹⁵⁷ Подстрочный перевод с венгерского: Майя Цесарская.

Особенно интересно, что венгерский вариант Телеки в чем-то ближе к переводу Кюхельбекера 1814 г., а в чем-то к опубликованному в 1814 г. переводу Кёрнера. Бесспорно, первая строфа у Телеки вторит лексике Кёрнера – венгерский поэт так же называет Дон, а не Дунай, употребляет (пусть латентно) глагол *плыть*, а не *скакать*, то есть родство обоих текстов предполагает прямое заимствование¹⁵⁸. Но если сравнить вариант Телеки с немецким переводом не только Кёрнера, но и Кюхельбекера, то обнаружатся и интересные расхождения. Так, несмотря на то, что оба переводчика используют настоящее время глагола вместо прошедшего в оригинале и оба перед каждой строфой называют говорящего, у Кёрнера – благодаря глаголам и предложениям в вопросительном и изъявительном наклонениях – стихотворение звучит более замедленно, ближе к нарративу, чем у Кюхельбекера и Телеки. Динамичный, изобилующий повелительными предложениями, призывный перевод Кюхельбекера сильно перекликается с венгерским текстом Телеки с его обращениями «давай! / остановись! / не губи! / не сцепляй!». Однако «Казацкую песню» Телеки и перевод Кюхельбекера сближает не только их боевой, маршевый дух. Так, в третьей строфе Телеки осуществляет точно ту же перемену мест, то есть мотивов (*глаза-руки*), что и Кюхельбекер, к тому же последние строки во второй и четвертой строфе немецкого и венгерского текстов совпадают, пускай и не буквально.

К сказанному нам нечего добавить, история литературы ведь ничего не знает о том, кому показывал сам Кюхельбекер свой перевод, в чьих руках он побывал после его смерти. Однако точно известно: в 1820 г. – прошло уже шесть лет, с тех пор, как он перевел украинскую песню – Кюхельбекер в качестве секретаря князя Александра Нарышкина совершает путешествие по Европе, в ходе которого знакомится со многими немецкими

---

¹⁵⁸ Подмена «Дуная» «Доном» в немецких переводах многим бросилась в глаза еще в XIX в

поэтами – Гёте, Тиком, а также с Тидге¹⁵⁹. Подтверждено, например, что именно он передает Тидге несколько лицейских стихов Пушкина. В 1821 г. без ведома Пушкина в одном из немецких журналов было опубликовано пушкинское стихотворение «Роза» [Пушкин 1999: 768].

Что касается «Казачьей песни» Телеки, то тут мы вправе лишь предположить, что граф мог быть знаком не только с переводом Кёрнера, расхваливавшимся по литературным каналам, но и с другими источниками.

Приложение

Teleki Ferenc

Egy Kozák dal /: Muszka nyelvből:

1820 (?)

Usz a kozák Don partjának,
Valét mond szép Mátkájának,
„Rajta! szollal kis lovának,
Harczban megyünk mü.

„Meg állj kincsem kérésemre
„tekints vissza keservemre
„hogy hagysz engem így vesztmemre
„Csak egyedül itt.

„Ne rontsd ingyen nagy szemedet,
„Ne kocsoljad kis kezedet,
„Dicsőségel kedvesedet
„Vissza nyered majd.

„Nem kell nékem a dicsőség,
„Ha te enyim, s hiv vagy, elég.
„Szép szerentse, jo egészség
„Véled légyen mind.”

---

¹⁵⁹ О популяризации Кюхельбекером русской литературы на немецких территориях см., например, [Ершофф 1987: 68–78].

Литература

Беляева В.М. (Ред.) Собрание русских народных песен с их голосами на музыку положил Иван Прач. М., 1955.

Гозенпуд А.А. «Козак-стихотворец» // Оперный словарь. М–Л., 1965.

Грот К.Я. Пушкинский лицей. СПб., 1998.

Ершофф Г. Прижизненная известность Пушкина в Германии // Временник Пушкинской комиссии. 21. Л., 1987. С. 68–78.

Исаков С.Г. Материалы по русской литературе и культуре на страницах немецкой прибалтийской печати начала XIX века // Труды по русской и славянской филологии. IX. Литературоведение, ред. Егоров Б.Ф., Лотман Ю.М., Адамс В.Т., Ученые записки Тартуского Университета 184. Tartu, 1966. С. 142–203.

Кириллина Л. «Schöne Minka» и ее сестры // Бортнянский и его время. К 250-летию со дня рождения Д.С. Бортнянского: Материалы международной конференции, Научные труды Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского 43. М., 2003. С. 191–205.

Кириллина Л. «Schöne Minka»: Судьба украинской песни в творчестве Бетховена // Проблеми взаємодії мистецтва, педагогіки та теорії і практики освіти: зб. наук. ст. Бетховен – terra incognita. Ред. Ганзбург, Г. І. Харків, 2015. С. 5–23.

Нудьга Г. Про Семена Климовського і його пісню // Радянське Літературознавство. 1960. № 4. С. 53–66.

Прийма Ф. Об одном немецком переводе украинской народной песни «Їхав козак за Дунай» // Русская литература. Историко-литературный журнал. 1960. № 3. С. 170–174.

Пушкин А.С. Лицейские стихотворения, 1813–1817 / ред. В.Э. Вацуро. Полное собрание сочинений в 20 томах. Т. 1. СПб., 1999.

Пуштин И.И. Записки о Пушкине // Пушкин в воспоминаниях современников. СПб., 1998. С. 70. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/critics/vs1/vs1-060-.htm?cmd=p> (дата обращения: 18.09.2020).

Русские казаки в Париже двести лет назад. *LiveJournal* (blog), 31 марта 2014. URL: <https://vita-colorata.livejournal.com/652951.html> (дата обращения: 15.08.2020).

Сокольский [Г.] (Перевод) Биографические известия о Кернере // Вестник Европы. ХСVII, 1818. № 4. С. 258–273. URL: http://www.spsl.nsc.ru/rbook/Vestnik/1818/1818-4/Jpeg/index_Jpeg1.html (дата обращения: 25.10.2020).

Сперанский М.Н. Малорусская песня в старинных русских печатных песенниках // Этнографическое обозрение. 1909. № 2–3. С. 120–144.

Файбисович В. Русские песенники в прусской гвардии // Родина (blog). 01 июня 2017. URL: <https://rg.ru/2017/05/30/rodina-ermitag.html> (дата обращения: 12.01.2020).

Über russische Soldatenlieder // Allgemeine musikalische Zeitung. 1814. № 31. August 3. S. 515–518. URL: <https://digipress.digitale-sammlungen.de/calendar/1814/8/3/newspaper/bsbmult00000037> (дата обращения: 12.10.2020).

Anvelt I. Benjamin Beresford – The First English Lecturer at the University of Tartu // Estonian Association of Teachers of English. 2018. № 53. P. 9–13.

Böhme F. M. (Ed.) № 721. Der Kosak und sein Mädchen. (Olis und Minka) // Volksthümliche Lieder der Deutschen im 18. und 19. Jahrhundert. Nach Wort und Weise aus alten Drucken und Handschriften, sowie aus Volksmund zusammengebracht, mit kritisch-historischen Anmerkungen versehen. Leipzig, 1895. P. 549. URL: <https://archive.org/details/BoehmeVtLieder1895/mode/1up?q=549> (дата обращения: 18.10.2020).

Clive P. Beethoven and His World: A Biographical Dictionary. Oxford, 2001.

Csörsz R. I. A kesergő nimfától a fonóházi dalokig. Közköltészeti hatások a magyar irodalomban (1700–1800). [От плача нимфы до песен прях. Квазифольклорные влияния в венгерской литературе (1700–1800)]. Budapest, 2016.

Gálos R. Tiedge Kozák-dalának ismeretlen fordításai.

[Неизвестные переводы Казацкой песни Тидге] // *Irodalomtörténeti Közlemények*. 1937. Vol. 4. P. 407–408.

Hexelschneider E. Die deutschen Befreiungskriege und ihr Einfluß auf die Verbreitung russischer Volksdichtung in Deutschland // *Zeitschrift für Slawistik*. 1963. Vol. 8. P. 676–688.

Kalavszky Zs. Puskin líceumi lírájának közköltészeti vonatkozásai egy ukrán dal tükrében. [Квазифольклорные аспекты лицейской лирики Пушкина в свете истории одной украинской песни] // *Doromb. Közköltészeti tanulmányok* 7. Ed. Csörsz R. I., Budapest, 2019. P. 389–424.

Perger Gy. Egy vidéki nyomda által kiadott Világi dallok [«Светские Песни» изданные в сельской типографии] // *Doromb. Közköltészeti tanulmányok* 6. Ed. Csörsz R. I., Budapest, 2018. P. 229–254.

Porkoláb T. Szempontok a francia háborúk inszurrekciós költészetének textológiai és filológiai vizsgálatához. [Аспекты к текстологическому и филологическому анализу инсurreкционной поэзии французских войн] // *Textológia – filológia – értelmezés*, Eds. Czifra M., Szilágyi M., Csokonai Könyvtár: Bibliotheca Studiorum Litterarium 55. Debrecen, 2014. P. 191–214.

Teleki F. Gróf Teleki Ferencz' Versei, 's néhány leveléből töredékek. [Стихотворения Графа Ференца Телеки и несколько фрагментов из его писем] Ed. Döbrentei G. Buda, 1834.

Vaderna G. A közköltészet kutatása és az irodalomtörténet. [Исследования квазифольклорных поэтических явлений и история литературы] // *Doromb: Közköltészeti tanulmányok* 3. Ed. Csörsz R. I., Budapest, 2014. P. 3–50.

Waldapfel J. A Ziska második részéhez [Ко второй части «Зишка»] // *Irodalomtörténeti Közlemények*. 1935. Vol. 3. P. 307–308.

Waldbrühl W. von (Ed.). *Slawische Balalaika*. Leipzig, 1843.

Аннотация

В своей работе я прослеживаю, как – какими способами и по каким каналам – попала украинская песня «Їхав козак за Дунай» в начале XIX в. в Европу, а через немецкое посредничество и на венгерские территории. В немецком языковом ареале она распространялась, по сути, как народная песня. Переведенная, а точнее, переложенная на немецкий Христофором Тидге, украинская песня достигла и Венгерского королевства – вероятнее всего, с войсками, принимавшими участие в наполеоновских войнах. В то же время в кругу воспитанной на немецкой культуре венгерской элиты был в ходу и другой ее вариант, известный как «Russisches Lied», в переводе Теодора Кёрнера, распространявшийся преимущественно в печатных изданиях. У истории этой песни, в первое десятилетие XIX в. по сути сразу и одновременно получившей известность на чешском, польском и английском языках, есть еще одна, интересная с точки зрения истории и русской, и венгерской литератур линия. В 1814 г. русский поэт Вильгельм Кюхельбекер перевел ее на немецкий. Его перевод, который остался в рукописи, то есть не был известен читающей публике, обнаруживает изумительное сходство, а местами прямые совпадения со стихотворением венгерского поэта, графа Ференца Телеки, написанным предположительно до 1820 г.

Ключевые слова: Ференц Телеки, Вильгельм Кюхельбекер, «Їхав козак за Дунай», компаративистика, перевод, инсurreкционная поэзия, наполеоновские войны.

Summary

Zsófia Kalavszky

Metamorphoses of the Ukrainian Song “Їхав Козак beyond the Danube”: Was the German Translation by Wilhelm Küchelbecker Familiar to the Hungarian Count Poet Ferenc Teleki?

In my essay I trace how – by which means and through what channels – the Ukrainian song «Їхав козак за Дунай» (Kozak was riding beyond the Danube) reached Europe at the beginning of the nineteenth-century and then by the means of German mediation, sprang out onto Hungarian territories. In the German language area, it spread essentially as a folk song. Translated (or rather transcribed) into German by Christopher Tidge, the Ukrainian song reached the Kingdom of Hungary most likely together with the troops that took part in the Napoleon wars. At the same time, another version of the song circulated among the Hungarian elite in German culture. The latter was known as Russisches Lied in the translation of Theodor Körner – it was also in vogue and was distributed mainly in print media. The history of this song that in the first decade of the nineteenth century, gained fame in Czech, Polish, and English, has another line that may be interesting from the point of view of Russian and Hungarian literary connections. In 1814, Russian poet Wilhelm Küchelbecker translated the song into German. His translation which remained in the form of the manuscript and was not known to the reading public reveals an amazing similarity and in some places direct coincidences with the poem by the Hungarian poet Count Ferenc Teleki written presumably before 1820.

Keywords: Ferenc Teleki, Wilhelm Küchelbecker, “Їхав козак за Дунай”, comparative literature, translation, Napoleon wars insurrection poetry.